

ЗАПИСКИ

Семипалатинскаго Подъотдѣла

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВЫПУСКЪ IV-й.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ.

Типо-лит. Торг. Дома «П. Плещеевъ и Ко»
1909 г.

Библиотека

Императорскаго

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА

Възъ

Полна

Июль 19

№

19
8

Замѣтка о жизни дунганъ селенія Каракунузъ, Пишпекскаго уѣзда, Се- мирѣченской Области.

Русско-подданные дунгане по образу жизни и языку замѣтно выдѣляются среди другихъ разноплеменныхъ обитателей Средне-азиатскихъ владѣній Россіи. Дунгане—это китайцы-мусульмане магометанской религіи, сунитскаго толка,—которая въ Китай проникла изъ Аравіи въ 6-мъ году правленія Чэнь-гуань Танскаго Императора Тайцзуна (въ 632 г. по Р. Х.), какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ученый изъ Аравіи магометанинъ—Сынъ «Лань-суй'я» «Си», издавшій на китайскомъ языкѣ прокламацію, въ которой кратко выяснилъ правила истинной мусульманской религіи. Ученый магометанинъ Си говоритъ, что въ 6-мъ году правленія Чэнь-гуань Танскаго Императора Тайцзуна, при святѣйшемъ Му-хань-мо-дэ (Мухаммедѣ), въ Небесной Странѣ (Аравіи) дядя Мухаммеда по матери, вельможа Вань-гэ-ши (Ибнь-гамза), во главѣ трехъ тысячъ мужей сопровождая небесную священную книгу Цзнь-Гу-эр-а-ни (коранъ), вступилъ въ Срединное государство. Танскій Императоръ Тайцзунъ, видя, что пришедшій съ запада вельможа деликатенъ, образованъ и обладаетъ глубокой ученостью, приказалъ правителю своей столицы «Чань-ань» построить «Да-цзинъ-чжень-сы» (храмъ великой чистоты и истины—мечеть) и убѣдительно просилъ вельможу поселиться въ Чань-ань'ѣ. Вань-гэ-ши исполнилъ желаніе Императора и поселился въ Чань-ань'ѣ со своей свитой. Впослѣдствіи, ког-

да число пришельцевъ значительно увеличилось, Императоръ Тайцзунъ приказалъ еще построить по мусульманской кумирнѣ въ «Цзявѣ нинѣ» и «Гуань-чжоо-фу» (въ Нанкинѣ и Контонѣ) и расселить въ нихъ на-родившихся.

Этимологическое значеніе слова «дунгане» неизвѣстно; по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, дунгане происходятъ отъ Юрусовъ, но это мнѣніе пока еще остается не доказаннымъ. Сами себя дунгане называютъ «тунъ-га-ни».

Находясь ранѣе въ китайскомъ подданствѣ, дунгане были весьма недовольны, какъ китайцами, такъ и правительствомъ Поднебесной Имперіи, вслѣдствіе чего, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ Китаѣ происходили частыя дунганскія возстанія, сопровождавшіеся обоюдною страшною рѣзней китайцевъ съ дунганями и другими ужасами, — неразлучными спутниками всякихъ возстаній. Недовольство китайцами побудило часть дунганъ лѣтъ около 30 тому назадъ выселиться въ предѣлы азіатской Россіи и принять русское подданство. Пришельцы — дунгане расселились по областямъ русскаго Туркестана, осѣвши въ уѣздахъ Пишпекскомъ, Пржевальскомъ, Вѣрненскомъ, Ауліатаинскомъ и Ошскомъ.

Мы не будемъ здѣсь касаться причинъ, вслѣдствіе которыхъ между китайцами и дунганями установились враждебныя отношенія. Этотъ вопросъ очень сложный и ждетъ въ будущемъ еще своего спеціальнаго изслѣдованія. По этому вопросу не удалось собрать серьезныхъ свѣдѣній даже командированной спеціально въ Китай въ 1874 г. экспедиціи Сосновскаго, — обошедшей русскому правительству въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей (36071 руб.). Карагурузскіе-же дунгане говорятъ, что поводомъ къ возстанію ихъ противъ китайцевъ послужили издѣвательства и насмѣшки, которыя китайцы допускали надъ религіозными обрядами дунганъ. Этими глумленіями надъ магометанской религіей китайцы, по мнѣнію дунганъ, хотѣли оградить сыновъ Поднебесной Имперіи отъ почти поголовнаго перехода ихъ въ мусульманство.

Въ настоящей замѣткѣ мы намѣрены кратко коснуться жизни

русско-подданных дунганъ, осѣвшихъ въ опредѣленномъ мѣстѣ русскаго Туркестана. Такимъ мѣстомъ является селеніе Каракунузъ, Пишпекскаго уѣзда, Семирѣченской области, жители котораго, какъ выходцы изъ провинціи «Шаньси», нѣсколько отличаются отъ дунганъ, переселившихся въ Туркестанъ изъ Илійскаго края въ 1882 г.,—по передачѣ города Кульджи китайцамъ. Хотя настоящая замѣтка далека отъ идеала полноты свѣдѣній о жизни дунганъ, тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что и бѣглыя замѣтки о русско-подданныхъ дунганахъ, литература о которыхъ не богата, должны представлять нѣкоторый интересъ.

Названіе селенія Каракунузъ—названіе киргизское. Въ переводѣ на русскій языкъ оно означаетъ: «черный жукъ» (кара—черный, кунгузъ—жукъ). Надо полагать, что означенная мѣстность получила такое странное названіе вслѣдствіе изобилія черныхъ жуковъ, встрѣчающихся тамъ весною и лѣтомъ. И дѣйствительно, по всему почтовому тракту между Вѣрнымъ и Токмакомъ попадаетъ весьма много черныхъ жуковъ разной величины. Свое селеніе Каракунузъ сами дунгане называютъ «Ха-ла-гунъ-гунъ-цзы»; это—неправильно произносимое дунганами слово Каракунузъ, и—«Инъ-панъ»,—что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ—лагерь, лагерная площадь. Такое названіе Каракунузу дунгане дали потому, что онъ дѣйствительно въ первое время осѣлости ихъ напоминалъ собою лагерное стойбище.

Селеніе Каракунузъ расположено у подножья горъ, подлѣ небольшой горной рѣчки Каракунузки, вода изъ которой лѣтомъ разбирается по арыкамъ для орошенія пашень. Селеніе находится верстахъ въ восьми отъ ближайшаго русскаго села «Большой Токмакъ», гдѣ имѣется почтово-телеграфное отдѣленіе. Въ Каракунузѣ, по словамъ дунганъ, насчитывается около тысячи домовъ и болѣе четырехъ тысячъ жителей; въ числѣ послѣднихъ—немного сартовъ, таранчей и киргизъ-кайсаговъ; но зато совершенно нѣтъ русскихъ.

Дома свои каракунузскіе дунгане строятъ на китайскій образецъ, хотя есть въ селеніи дома и русскаго типа. Оконные переплеты въ дунганскихъ домахъ дѣлаются, какъ и у китайцевъ, рѣшетчатые; вмѣ-

сто стекло оклеиваются промаслянной бумагой; но въ домахъ нѣкоторыхъ дунганъ имѣются русскіе рамы со стеклами. Почти при каждомъ домѣ есть огородъ и садикъ съ плодовыми деревьями.

Всѣ карагунузскіе дунгане, какъ уже сказано выше, — магометане. Для исполненія религіозныхъ обрядовъ они имѣютъ въ селеніи нѣсколько молитвенныхъ домовъ; при каждомъ домѣ — частный мулла. Оффиціальныхъ мечетей и указныхъ муллъ въ Карагунузѣ нѣтъ. Обыкновенно нѣсколько дунганскихъ семействъ, проживающихъ иногда не близко другъ отъ друга, но связанныхъ между собою какими-либо симпатіями, на свои средства выстраиваютъ молитвенный домъ и приглашаютъ въ него подходящаго муллу. Приходъ такого молитвеннаго дома составляютъ исключительно только члены этихъ семействъ. Мулла содержится иждивеніемъ своихъ прихожанъ. Отправляя службу, мулла въ то-же время обучаетъ дунганскихъ дѣтей религіознымъ основамъ ислама въ школѣ, находящейся почти при каждомъ молитвенномъ домѣ. Число учениковъ бываетъ неодинаково. Въ иной школѣ набирается до 25 мальчиковъ, въ другой — не болѣе 3-хъ человѣкъ. Учатся въ школахъ лѣтъ по восьми. Нѣкоторые дунгане, по примѣру другихъ мусульманъ, совершаютъ паломничество въ Мекку. Дунгане почитаютъ тѣ-же праздники и справляютъ тѣ-же экстрординарные дни, какъ и другіе мусульмане. Тридцатидневный постъ «уразу» дунгане держатъ сравнительно строго. Въ такое время ежедневно вечеромъ, при закатѣ солнца, слышатся по улицамъ Карагунуза характерные дунганскіе возгласы: «Кай-лѣ цзэй-лѣ» (открылся постъ, т. е. — разговляйтесь). Кричатъ такъ, по приказанію муллъ, преимущественно мальчики — ученики. Не въ примѣръ своимъ сосѣдямъ — сартамъ, киргизамъ и татарамъ, карагунузскіе дунгане не ѣдятъ лошадиного мяса и не пьютъ никакого молока. Последнее они не употребляютъ въ подражаніе китайцамъ. Наравнѣ съ другими мусульманами не ѣдятъ свинины. Еженедѣльно празднуютъ пятницу. Самые великіе, торжественные дни для дунганъ это — „Ураза аиди“ и „Курбанъ аиди“; затѣмъ есть праздникъ новаго года — „Афла“ и торжественные дни „Бэй-ратель“. Кромѣ вышеуказанныхъ праздниковъ дунгане почитаютъ также и общіе мусульманскіе праздники. Кромѣ того дунгане неукоснительно

ежегодно справляютъ дни смерти своихъ родственниковъ. Такія поминки, называемыя „го-нѣ-ди“, собираютъ много народа. 12 октября 1897 г. одинъ каракунuzскій дунганинъ, по имени Сы-мынъ-ла, справлялъ поминки по своему отцу. Въ этотъ день у него было около 150 человекъ гостей обоого пола. Вообще, у дунганъ праздниковъ не мало.

Пища у дунганъ своеобразная. Большею частью они ѣдятъ лапшу, изготовленную изъ пшеничной муки и гороховой, съ прибавленіемъ мяса, нарѣзаннаго мелкими кусочками, и разныхъ приностей: перлу, луку, чесноку, уксусу, соли, рѣдиси, огурцовъ и т. п. Кушанья свои дунгане ѣдятъ съ помощью двухъ деревянныхъ палочекъ, называемыхъ „куай-цзы“; послѣднія замѣняютъ дунганамъ наши вилки. Дунгане приготавливаютъ кушанья также и изъ риса, но никогда не предлагаютъ этого блюда гостямъ, такъ какъ это у нихъ считается неприличнымъ. Кушанья дунгане приготавливаютъ очень вкусно и разнообразно. Дунганскіе обѣды нравятся многимъ русскимъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1897 года Каракунuzъ посѣтилъ членъ Парижскаго Географическаго Общества Лаббе. Онъ обѣдалъ у каракунuzскаго волостного управителя Сыбара Людаюанъ и такъ остался доволенъ дунганскимъ столомъ, что просилъ передать хозяину свое удовольствіе съ заявленіемъ, что, путешествуя по азіатскимъ владѣніямъ Россіи, нигдѣ не встрѣчалъ тамъ обѣдовъ, вкуснѣе дунганскихъ. Можетъ быть мы здѣсь имѣемъ дѣло съ простой французской любезностью, хотя, конечно, возможно, что въ словахъ путешественника-француза отразилось его дѣйствительное настроеніе. Гостямъ подаютъ кушанья въ количествѣ 2, 4, 9, 10 и 13 блюдъ; другихъ цифръ каракунuzскіе дунгане не признаютъ. Обѣдъ предваряется и заканчивается чаемъ съ разными сладостями. У дунганъ въ большомъ употребленіи разныя острые и пряныя приправы къ пище; особенно они любятъ уксусъ, перецъ, лукъ и чеснокъ. Дунганскій уксусъ представляетъ изъ себя темно-бурую жидкость съ кислымъ вкусомъ и таковымъ-же запахомъ. Уксусъ — очень дешевъ: бутылка его стоитъ копѣйка. Уксусъ готовится изъ пшеничныхъ отрубей вмѣстѣ съ пшеницей и быстро портится даже въ холодную погоду. Больше употребительныя пряности и овощи имѣютъ слѣдующія дунганскія названія: уксусъ — „цу“, перецъ — „ла

цзы“, соль — „сянь-янъ“, лукъ (рѣпчатый) — „пи-я зцы“, лукъ (порей) — „цунъ“, чеснокъ — „суанъ“, огурецъ — „хуанъ-гуа“, арбузъ — „си-гуа“, дыня — „тянь-гуа“. картофель — „янъ-юй“, тыква — „во-гуа“, рисъ — „бэй-ми“. Непобѣдной принадлежностью дунганскаго обѣда являются — „чжэнь-му“; — это небольшіе, прѣсные, круглые хлѣбцы, испеченные паромъ въ деревянныхъ особаго устройства цилиндрическихъ футлярахъ, устанавливаемыхъ на котлѣ съ кипящей водою. Дунгане любятъ лакомиться молодой вареной кукурузой; продаютъ ее въ приготовленномъ видѣ дешево: на одну копѣйку даютъ три и четыре штуки. Старая кукуруза идетъ въ кормъ лошадямъ.

Одѣваются дунгане своеобразно: какъ мужчины, такъ и женщины на ногахъ носятъ китайскія туфли, которыя по дунгански называются „хай“; женщины, какъ и мужчины, носятъ штаны исключительно краснаго цвѣта; одѣваютъ также короткія и длинныя платья китайскаго покроя. Вообще, одежда дунганъ очень похожа на китайскую; послѣдняя, впрочемъ, начинаетъ утрачивать свой національный характеръ. Многіе изъ дунганъ туфли замѣнили уже татарскими мягкими безъ каблучковъ ичигами съ калошами и даже русскими сапогами, верхнюю одежду — бешметами, камзолами и халатами. Каракунuzскіе дунгане волосы на головѣ брѣютъ; головнымъ уборомъ для нихъ служатъ обыкновенныя мусульманскія тибетейки, мѣховыя шапки, пуховыя сѣрыя съ черной каймою шляпы, а также китайскія, соломенные съ большими полями шляпы, и лѣтомъ — просто лоскутъ бѣлой матеріи, напоминающій собою чепчикъ. Косы каракунuzцы не отращиваютъ кромѣ тѣхъ случаевъ, когда кому-либо изъ дунганъ приходится секретно отправляться въ Китай для розыска своихъ родственниковъ. Въ такихъ случаяхъ косы даютъ русско-подданнымъ дунганамъ возможность благополучно проникнуть на китайскую территорію, гдѣ ихъ уже трудно отличить отъ дунганъ китайско-подданныхъ, которые всѣ безъ исключенія носятъ косы и одѣваются въ китайскіе костюмы. Подготовка къ подобной экскурсіи требуетъ не мало времени и осторожности. Дунганинъ, собираясь отправиться въ Китай, въ теченіе 3-хъ — 4-хъ лѣтъ отращиваетъ себѣ косу, въ то-же время тщательно скрывая свое намереніе отъ мѣстнаго начальства, не позволяющаго дунганамъ перехо-

дять границу. Когда коса готова, путешественникъ тайно переходитъ границу, одѣвается въ костюмъ китайскаго покроя и свободно разгуливаетъ въ предѣлахъ Дайцинскаго государства, стараясь отыскать тѣхъ лицъ, на поиски которыхъ онъ отправился. Достигнувъ своей цѣли,—дунганинъ выдаетъ себя за китайско-подданнаго, беретъ отъ китайскихъ властей установленный билетъ, визируетъ его въ консульствѣ и, подъ видомъ торговца, отправляется въ русскіе предѣлы, благополучно достигая такимъ образомъ Каракунуза. Пржевальскіе-же дунгане, какъ мы слышали, все носятъ косы.

Дунганскія дѣвицы волосы свои заплетаютъ въ косы, — женщины-же, какъ и китайки, изъ волосъ дѣлаютъ красивыя и пышныя прически. Дѣвушки и молодыя женщины обильно украшаютъ свои головы разнообразными яркими живыми и искусственными цвѣтами, серебряными особаго устройства гребенками и искусственными бабочками, къ которымъ прикрѣпляются маленькіе серебряные бубенчики (шергунчики). Маленькія дѣвочки свободно, не стѣсняясь, бѣгаютъ по улицамъ Каракунуза, дѣвицы-же невѣсты представляютъ изъ себя затворницъ, и тщательно скрываются отъ нескромныхъ взоровъ каракунужскихъ молодцовъ. Нѣкоторыя дунганскія дѣвицы искусно играютъ на миниатюрномъ музыкальномъ инструментѣ, называемомъ по дунгански „ку-чэнь-ца“. У многихъ дунганокъ, прибывшихъ изъ Китая, — ноги изуродованы по китайски. Такія маленькія ножки, какъ дунгане, такъ и китайцы, называютъ „цзинь-ля-эръ“, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „золотой лотосъ, золотой неньюфаръ, золотая лилія“. Но дунганки, родившіеся въ русскомъ подданствѣ, имѣютъ уже ноги нормальныя, не изуродованныя. Относительно уродованія ногъ мы слышали двѣ легенды. Одна изъ нихъ говоритъ слѣдующее: въ давно минувшія времена представительницы прекраснаго пола, будучи возмущены жестокимъ обращеніемъ своихъ мужей тирановъ, возстали противъ послѣднихъ, напали на нихъ и изрядно поколотили; послѣ этого мужчины, желая избавить будущее мужское поколѣніе отъ агрессивныхъ дѣйствій женщинъ, придумали моду уродовать имъ ноги. По другой легендѣ уродованіе женскихъ ногъ дѣлается исключительно съ той цѣлью, чтобъ женщину, въ періодъ ея развитія, заставить вести бо-

лѣе сидячій образъ жизни, полагая, что чѣмъ больше женщина будетъ сидѣть, тѣмъ лучше и сильнѣе у ней разовьются тазовыя части ея тѣла. Дунганскія женщины и дѣвицы носятъ въ ушахъ серьги и на рукахъ браслеты. Траурный цвѣтъ у дунганъ, какъ и у китайцевъ, — бѣлый цвѣтъ. Въ такого цвѣта платье облакаются дунгане обоюго пола при похоронахъ. По понятію дунганъ, бѣлый цвѣтъ — къ лицу старымъ людямъ, а красный — къ лицу молодымъ. Въ грязную и ненастную погоду многіе дунгане къ ногамъ привязываютъ деревянные дощечки съ приспособленіями, въ родѣ шиповъ; подобныя колодки (дощечки) называются по дунгански „ни-дица“ (ни — грязь, дица — подошва). Зимой дунгане надѣваютъ сдѣланные изъ матеріи наушники, которые иногда подбиваются мѣхомъ. Въ жаркое время года у дунганъ въ большомъ употребленіи вѣера и мухогонки; послѣднія имѣютъ видъ короткихъ лошадиныхъ хвостовъ. Весьма многіе изъ дунганъ носятъ большія китайскіе очки. Интересенъ также имѣющійся въ употребленіи у дунганъ китайскій карманъ „уйдуца“. Карманъ имѣетъ видъ вышитого разными (въ китайскомъ вкусѣ) узорами кошель; онъ носится дунганами на животѣ. Дѣвушки и женщины любятъ наряжаться въ одежды изъ яркихъ цвѣтовъ; самые употребительные цвѣта — красный, желтый и зеленый.

Каракунзскіе дунгане занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ. Сѣять пшеницу, ячмень, овесъ, кукурузу, горохъ, чечевицу, ленъ, сурѣпку, просо и „гао лянъ“ — (сорго), изъ верхушекъ стеблей котораго дѣлаютъ для своего употребленія, а также и для продажи, такъ называемые китайскіе вѣники. Сѣять также огородныя овощи и и разную зелень, какъ-то: арбузы, дыни, огурцы, тыквы, картофель, рѣдису, свеклу, капусту, перецъ стручковый, баклажаны, лукъ, чеснокъ, кольраби и проч. Но главною отраслью сельскаго хозяйства у дунганъ является культура риса, который однако сѣять лишь зажиточные дунгане, потому что посѣвъ его — дѣло не легкое, — требуетъ большихъ хлопотъ, умѣнья и значительныхъ денежныхъ затратъ. Приступая къ посѣву риса, дунгане предварительно хорошо вспахиваютъ землю, дѣлятъ вспаханное поле на квадратныя и продолговатыя клѣтки, устраивая изъ дерна валики вышиною отъ 1 до 1½ арш. и тол-

циною — продольные (по течению воды) въ 1 четверть и поперечные отъ 2 до 3 четвертей, разрыхляютъ вспаханную землю и наполняютъ клѣтки эти водой; взмутьивъ воду, сѣять рисъ прямо въ воду. Зерна риса ложатся на дно клѣтки и, когда вода устоится, покрываются слоемъ ила, затѣмъ всходятъ и продолжаютъ расти въ водѣ до тѣхъ поръ, пока не нальется колосъ; послѣ чего вода удаляется и рисъ дозрѣваетъ на волѣ. Воду въ клѣткахъ переменяютъ, при чемъ напускаютъ ее не холодной, а предварительно подогрѣтой солнцемъ въ специально приготовленныхъ для этого клѣткахъ, не засѣянныхъ рисомъ. Наблюдать за рисовыми полями приходится рабочимъ — караульщикамъ, на которыхъ возлагается также обязанность спугивать съ рисовыхъ полей дивихъ утокъ, появляющихся тамъ цѣлыми тучами. Со времени разведенія дунганями рисовыхъ плантацій, рисъ въ Семирѣчьѣ значительно удешевелъ. Въ свободное отъ земледѣлія время дунгане отправляются въ извозъ. Многіе изъ дунганъ занимаются торговлей. Среди дунганъ имѣются плотники, кузнецы, серебряки, коновалы. Иные содержатъ въ Токмакѣ харчевни, гдѣ за недорогую плату можно получить чай и кушанья дунганской кухни. Нѣкоторые дунгане имѣютъ заводы для приготовленія льняного и сурьпчатого масла, выдѣлыванія гороховой лапши, приготовленія изъ рису и проса лакомыхъ продуктовъ; есть и водяныя мельницы. Немногіе изъ дунганъ занимаются починкою разбитой фарфоровой посуды, искусно скрѣпляя разбитыя мѣста мѣдными пластинками. Въ общемъ, про дунганъ можно сказать, что это трудолюбивый и честный народъ. Дунгане обладаютъ вспыльчивымъ и мстительнымъ характеромъ. Навесенную имъ обиду они забываютъ нескоро, вслѣдствіе чего у нихъ немало между собою происходитъ ссоръ, во время которыхъ нерѣдко пускаются въ ходъ ножи. Все населеніе карагунузскихъ дунганъ раздѣлено на двѣ враждующіе партіи: „якши“ и „яманъ“, вражда которыхъ продолжается уже много лѣтъ и въ первое время была настолько сильна, что дунгане каждой партіи, не желая встрѣчаться другъ съ другомъ, ѣздили изъ Карагунуза въ Токмакъ по разнымъ дорогамъ; родственники, состоя въ разныхъ партіяхъ, не разговаривали между собой и изъ одного котла не ѣли лица, не смотря на то, что жили подъ одной

кровлей. Стоит только просмотрѣть за любой годъ Семирѣченскія областныя вѣдомости, чтобы убѣдиться, какъ много кровавыхъ драмъ происходитъ между дунганями. Слова — „якши“ и „ямань“, которыми дунгане называли свои партіи, — слова тюркскія, въ переводѣ на русскій языкъ означаютъ — «хорошій» и «худой». Партіи якшей и яманцевъ, по словамъ дунганъ, образовались при слѣдующихъ обстоятельствахъ: на предводителя дунганъ Бэй-янъ-ху, или, какъ еще называли его дунгане, Худа-жэнь — (вельможа Ху), была подана дунганями жалоба, для разслѣдованія которой въ Каракунузъ пріѣхалъ начальникъ уѣзда. Когда начальникъ производилъ по жалобѣ дознаніе, то собравшіеся большой толпой дунгане раздѣлились на двѣ партіи, одна изъ которыхъ, обвиняя Бэй-янъ-ху, кричала: „Да жэнь ямань“ — вельможа худой, а другая, напротивъ, защищая его кричала: «Да жэнь якши» — вельможа хорошій.

Хорошіе урожаи риса и хлѣба сопрядаются обиліемъ дунганскихъ свадебъ. Въ Каракунузѣ женщинъ значительно меньше мужчинъ, поэтому дунганскія невѣсты цѣнятся не дешево. Въ 1897 году, какъ намъ передавали дунгане, калымъ за дунганскую невѣсту колебался между 240—400 рублями. Несостоятельные дунгане часто ищутъ невѣсту среди киргизокъ, потому что послѣднихъ можно засватать дешевле. Многіе дунгане поженились на татаркахъ и сартянкахъ. Среди дунганъ имѣются удалыцы, которые практикуютъ тайный увозъ невѣстъ — киргизокъ. Нѣсколько такихъ молодцовъ обращались къ намъ съ просьбою дать имъ совѣтъ, какъ удобнѣе выкрасть киргизскую невѣсту и не подвергнуться за это никакой отвѣтственности. Имъ была указана 1549 ст. улож. о наказан.

Дунгане не любятъ засиживаться въ Каракунузѣ. Довольно часто они посѣщаютъ село «Большой Токмакъ». Почти каждое утро къ Токмаку направляется цѣлая вереница дунганскихъ телѣгъ. Телѣга запрягается парю лошадей. Возница ловко похлопываетъ оригинальнымъ хлыстомъ, понукая лошадей возгласами: уо-уо-уо! ёо! тырчъ! и т. п. Токмакъ для дунганъ является чѣмъ-то въ родѣ обширнаго клуба. Въ Токмакъ они пьютъ чай, ѣдятъ лапшу, курятъ опиумъ, играютъ въ карты, устраиваютъ перепелинныя бои и громко болтаютъ на зло-

бодневныя темы. Тамъ они заключаютъ торговыя сдѣлки, собираютъ новости и дѣлятся своими впечатлѣніями. Послѣ полудня дунгане возвращаются обратно въ Каракунузъ. Многіе изъ дунганъ совершаютъ свои наѣзды въ разныя мѣста верхами. Дунганскія сѣдла считаются весьма удобными для верховой ѣзды; они имѣютъ, впрочемъ, одинъ недостатокъ: тяжеловаты для лошадей. Дунгане любятъ держать иноходцевъ. Въ Каракунузѣ нерѣдко можно видѣть спортсменовъ, быстро несущихся на своихъ иноходцахъ. Надо отдать честь дунганамъ: они любятъ лошадей и умѣютъ за ними ухаживать; старательно кормятъ ихъ кукурузой, горохомъ, ячменемъ и отрубями; любятъ украшать лошадей разными лентами, кистями, привѣсками, шеркунцами, попонами и т. п. Плохихъ лошадей у дунганъ почти не бываетъ. Кстати, считаемъ здѣсь не лишнимъ объяснить тѣ повелительныя слова, съ которыми дунгане обращаются къ своимъ лошадямъ: *yo-yo-yo* — означаетъ направо; *ю* — налево; *тырч* — понуканіе; *о* — стой; *со* — назадъ; *юй* — сильное понуканіе; *тырч-тырч-тырч* — употребляется дунганями въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ нужно подманить къ себѣ лошадь.

Каракунузскіе дунгане въ свободное время весьма азартно играютъ въ карты. Дунганскія карты — это карты китайскія; оригинальныя по виду, — онѣ узкія и длинны. Полная колода состоитъ изъ 84 картъ. Среди дунганъ можно встрѣтить пѣсенниковъ, которые искусно поютъ и играютъ на балалайкахъ.

Большія площади каракунузскихъ полей засѣваются макомъ, изъ котораго дунгане добываютъ опиумъ. Привычку къ опиуму дунгане принесли изъ Китая. Намъ приходилось слышать, что цѣна опиума въ Каракунузѣ дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Семирѣчья. Говорятъ, что чѣмъ ближе къ Китаю, тѣмъ цѣна опиума дороже. Многіе дунгане спрашивали насъ, нѣтъ-ли у русскихъ какого-либо лекарства, съ помощью котораго можно было-бы отвыкнуть отъ куренія опиума. Довольно дѣйствительнымъ средствомъ противъ влеченія къ куренію опиума дунгане считают *remedium*. Составъ этого средства, имѣющаго видъ черныхъ шариковъ величиною съ горошину, — очень сложный; въ него входятъ соки разныхъ растений. Конечно, одного *remedium*'а недостаточно для борьбы съ пагубной страстью; необходимо при этомъ

ще и собственное усиліе воли, а его-то какъ разъ и нехватаетъ курильщикамъ опиума. У дунганъ существуетъ интересная пѣсня о курильщикахъ опиума. Въ этой пѣснѣ изображены тяжелыя послѣдствія пагубной привычки въ опиуму. Дунгане говорятъ, что потребители опиума очень не любятъ, когда въ присутствіи ихъ поется эта пѣсня. Пѣсня эта была напечатана въ Семирѣченскихъ Областныхъ вѣдомостяхъ(*) Опиумъ, несомнѣнно, подрываетъ здоровье дунганъ и сокращаетъ ихъ жизнь. Тѣмъ не менѣе въ Каракунузѣ намъ пришлось встрѣтить 110-ти лѣтняго курильщика-старика.

Дунгане крайне нечистоплотны. Вѣроятно отъ этого у нихъ и развиты разныя кожныя и глазныя болѣзни. Жаль бываетъ смотреть на какого-нибудь дунганскаго мальчика, съ совершенно облысѣвшею отъ паршей головой. Послѣдняя нерѣдко представляетъ изъ себя сплошную бору струпевь.

Нѣкоторые дунгане занимаются медицинской практикой. Лѣчатъ они по правиламъ китайской медицины. Для руководства имѣютъ разныя медицинскія книги на китайскомъ языкѣ. Эти доморощенные эскулапы большинство лекарствъ получаютъ изъ Китая, часть же медикаментовъ готовятъ сами. Для сбора необходимыхъ травъ дунгане врачеватели отправляются въ разныя экскурсіи. Дунганскіе эскулапы находятъ себѣ пациентовъ не только среди своихъ сородичей, но и среди русскихъ. Съ этой цѣлью они посѣщаютъ русскіе города и села, пробираясь иногда въ европейскую Россію. Одинъ каракунузскій дунганинъ сдѣлался врачомъ слѣдующимъ образомъ: въ качествѣ слуги онъ сопровождалъ китайскаго врача, который поѣхалъ въ гор. Астрахань. Здѣсь врачъ умеръ, а слуга его дунганинъ, ничто же сумняся, объявилъ себя врачомъ и началъ продолжать дѣло своего покойнаго господина. Въ Каракунузѣ ежегодно пріѣзжаетъ много китайскихъ докторовъ. Дунгане говорятъ, что въ Каракунузѣ становится почти знаменитостью всякій длиннокосый «сянь-сэнъ» — (докторъ), медицинскіе таланты котораго, можетъ быть, на родинѣ совершенно не признавались.

Въ Каракунузѣ попадается много увѣчныхъ дунганъ съ отмороженными ногами. Увѣчья они получили въ то время, когда, около 30

(*) За 1897 г.

лѣтъ тому назадъ, въ суровую зиму, отбиваясь отъ китайцевъ, перебирались въ русское подданство.

У дунганъ, какъ и у другихъ народовъ, имѣется не мало предразсудковъ. Вторникъ, напримѣръ, они считаютъ днемъ тяжелымъ. Правда, въ этотъ день они не прекращаютъ своихъ обычныхъ занятій, но и не начинаютъ какого либо важнаго дѣла, а тѣмъ болѣе не выйдутъ въ дальній путь. Одинъ знакомый намъ дунганинъ Чжэбуръ Мацзинганъ былъ боленъ какою-то простудною болѣзною. Ходилъ онъ къ разнымъ каракунuzскимъ сянь-сэиамъ, но пользы отъ нихъ не получилъ. Тогда кто-то изъ дунганъ, желая помочь больному, надумалъ его поймать и съѣсть живого воробья. Больной въ точности выполнилъ дружескій совѣтъ, но не только не получилъ облегченія, но къ прежней болѣзни получилъ еще новую, и самъ-же потомъ увѣрялъ, что новая болѣзнь приключилась съ нимъ изъ за воробья.

Дунгане, какъ и китайцы, народъ громогласный. Непривыкшій къ ихъ разговорнымъ приемамъ свѣжій человѣкъ, замѣтивъ нѣсколько бесѣдующихъ дунганъ, непременно подумаетъ, что между ними происходитъ ссора. Между тѣмъ громко ведется совершенно мирная бесѣда.

Относительно грамотности дунганъ можно сказать, что она у нихъ стоитъ не высоко. Вся жизнь ихъ въ Китаѣ являлась сплошной борьбой съ китайцами и не заключала въ себѣ благопріятныхъ условій для развитія просвѣщенія. Когда же они голодные и измученные переселились въ Россію, то первое время по переселеніи были заняты мыслью объ устройствѣ осѣдлости на новыхъ мѣстахъ поселенія и обезпеченіи своего существованія тѣми практическими знаніями, которыя они вынесли изъ Китая. Исключительное вниманіе дунгане обратили на изученіе ислама, каковой и преподается въ самыхъ элементарныхъ основахъ разными муллами дунганскимъ дѣтямъ. Дальше изученія корана—просвѣщеніе дунганъ не пошло. Немногіе изъ дунганъ умѣютъ писать по китайски, да и то очень плохо и съ массою ошибокъ. Есть немногіе дунганъ, умѣющихъ читать, писать и говорить по русски; слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что русскій языкъ дается имъ

не легко; но зато многіе изъ дунганъ довольно сносно говорятъ по киргизски.

Уличная жизнь Каракунуза значительно отличается отъ жизни селеній не дунганскихъ. Едва только наступаетъ утро, какъ по улицамъ Каракунуза начинаютъ раздаваться громкіе крики разныхъ продавцовъ, предлагающихъ свои продукты или товары. Отъ торговца мясомъ слышишь: «жоу», продавца арбузныхъ сѣмячекъ, употребляемыхъ дунганами вмѣсто нашихъ подсолнечныхъ сѣмячекъ—„гуа-цзырь“, продавца зажаренныхъ въ маслѣ хлѣбцевъ въ видѣ продолговатыхъ завитушекъ—„ма-хуа-эръ“, рѣдски и проч. зелени—„мэй-ло-бу лай, мэй цай“, арбузовъ—„цзянь-гуа-лэй“, яблокъ—„чэнъ-са-го-ца“, уксуса—„дао-цу-лэй“ и т. д. Тутъ-же предлагаютъ и каракунузскій виноградъ, который нѣсколько кисловатъ; при обильномъ сборѣ виноградъ продается не дороже 3-хъ коп. за фунтъ. Нѣсколько позднѣе появляются разносчики съ разнымъ мелкимъ мануфактурнымъ и инымъ товаромъ, какъ-то: ситцами, нитками, иглами, пуговицами, зеркальцами и т. п. Такіе продавцы называются «ху-ланъ-ца» и „чжуанъ-дэръ-ди“. Каждый изъ нихъ имѣетъ свой погремокъ, по звукамъ котораго каракунузцы и узнаютъ, съ какимъ сортомъ товара приближается торговецъ.

Теперь нѣсколько словъ о дунганскомъ нарѣчій. Дунганскій языкъ—чисто-китайскій, который, какъ и у китайцевъ, дѣлится на много нарѣчій, имѣющихъ большую разницу въ произношеніи словъ и въполнѣ оправдывающихъ китайскую пословицу: „Въ Китаѣ черезъ каждаго сто ли (ли—китайская верста) встрѣчаешь все разныя нарѣчія“. Нарѣчіе каракунузскихъ дунганъ, большинство коихъ выходцы изъ провинціи Шань-си, отличается отъ рѣчи дунганъ вѣрненскихъ, пишпекскихъ, пржевальскихъ и джаркентскихъ, вышедшихъ изъ другихъ провинцій Китая. Напримѣръ, каракунузскій дунганинъ скажетъ «да»—отецъ, пишпекскій говоритъ—„да-да“, «ба-ба»—дѣдушка, у пишпекскихъ и друг.—„ѣ-ѣ“, «ва»—дита «ва-ва». Каракунузскій дунганинъ кукурузу назоветъ «юй-ти», кульджинскій—„бао-гу“, а дунганинъ гор. Урумчи—«бо-эръ-ми» и т. д. Даже въ самомъ Каракунузѣ

существуетъ нѣсколько нарѣчій дунганскаго языка: дунгане, такъ называемые «думми», — выходцы изъ гор. Танъ-чжао-фу, провинціи Синань-сэнь, выговоромъ своимъ совершенно отличаются отъ дунганъ Шаньсѣйцевъ. Примѣры:

Думми.

Стой — Ну-ха
Возьми — Хань-шанъ
Мельница — Уэй-ца

Шанъ и.

Ли-ха
На-шанъ
Мо-ца

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что языкъ дунганъ, принявшихъ русское подданство, имѣетъ нѣкоторую разницу съ языкомъ дунганъ китайско-подданныхъ. Разница эта произошла отъ того, что русско-подданные дунгане, находясь въ постоянномъ общеніи съ киргизами и другими туземцами Семирѣчья, стали понемногу заимствовать у послѣднихъ и вводить въ свой языкъ слова тюркскія. Напримѣръ: „Хэ-дай“ — Богъ, «а-сы-ма-ни» — небо, «эра-цзы» — доволенъ, согласенъ, «хэй-ля-сы-лѣ» — окончилъ, совершилъ, «а-хэ-рэ-ти» — на томъ свѣтѣ и т. д.

Заканчивая настоящую замѣтку, и, принимая во вниманіе, что, быть можетъ, найдутся лица, которые пожелаютъ нѣсколько ознакомиться съ языкомъ дунганъ, мы рѣшили помѣстить въ замѣткѣ нѣсколько дунганскихъ загадокъ, пословицъ и анекдотовъ съ переводомъ на русскій языкъ. Это творчество дунганъ, помимо своего филологическаго значенія, вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени характеризуетъ и міросозерцаніе дунганъ, и съ этой стороны, несомнѣнно, должно представлять нѣкоторый интересъ. *)

ЗАГАДКИ.

1) Ши-гэ ди-сюнь шанъ гао-санъ манъ шанъ-гунъ, па-гэ шанъ-гунъ, лянъ-гэ ханъ; ми-мао ю

Десять братьевъ взошли на высокую гору для спѣшной работы, восемь (изъ коихъ) работаютъ,

(*) *Примѣчаніе:* За недостаточностью въ шрифтѣ типографіи буквы «ё» во многихъ дунганскихъ словахъ пришлось замѣнить ее буквой «е», которую слѣдуетъ произносить какъ «ё.»

цоу, синъ си-хуань, сюэ-хуаръ
дао нянь мянь-цянь.

Тху-ца.

2) Сы-сы фанъ-фанъ и цзо
чхэнь ли тхоу ха сюэ, вэй-тхоу
цинъ.

Мянь-сянь-ца.

3) И-гэ янь во-эръ хэй дунъ-
дунъ, ши па-гэ лао ню ъ бу
дунъ.

Цзинъ.

4) И-гэ ва-ва бэй бэй пханъ,
ню-нюръ чжанъ-чжэ ду-дуръ
шанъ.

Ху-ху-ца.

5) И-гэ бэй ту гэ-даръ мо
фынь-эръ, ху-тхоу цзя-ди хуанъ
хынъ-эръ. Дань.

6) Цянь шанъ го-ди и дя-эръ
жоу, го-лай го-ци мо жень ду.

Съ-ца

7) И гэ фу ни у гуръ, гао-
диръ ло-ди бэй хуръ.

Шу.

8) И-гэ фу-фуръ бу ди бу
гао, гао-диръ ло-ди чжень-чжу
ма-нао.

Лу-фэй.

9) И гэ фу-фуръ бу ди бу гао,
гао-диръ до-ди вай-варъ лянъ-
дао.

Цзянь-доу.

(а) двое бездѣлничаютъ; (отъ
работы) брови печалются, а серд-
це радуется, передъ глазами-же,
кружась падаютъ снѣжинки.

Плѣшивый (паршивый).

Въ квадратномъ городѣ идетъ
снѣгъ, хотя сваружи ясная по-
года.

Сѣльница (дунганская).

Одну темную глазную впадину
не сдвинуть и восемнадцать ста-
рыхъ воловъ.

Колодезь.

У одного бѣленькаго и полнень-
каго мальчика на брюшкѣ выро-
сла дудочка.

Чайникъ.

Въ одинъ неимѣющий трещинъ
комочекъ бѣлой земли положенъ
желтый абрикось. Яйцо.

На стѣнѣ лежитъ кусочекъ мя-
са, до котораго прохожіе не смѣ-
ють дотронуться.

Скорпионъ.

На одномъ деревѣ пять вѣтвей,
на вершинахъ которыхъ нахо-
дятся бѣлые чайнички.

Рука.

На вершинѣ одного средней вы-
соты деревца находятся жемчугъ
и агать.

Роса.

На вершинѣ одного средней вы-
соты деревца много кривыхъ сер-
повъ. Фасоль.

10) Нгань-нгань цза лэй-лэ-гэ
хэй хань цза, тхоу-шань динь-
ди хо дань-цза.

Сянь

11) И-гэ ха-харь ху-тхоу чжу-
ань ди да варь.

Хай

12) Хунь дань-цза, сакхай мань
юань-цза, чжао-чжэ-ни.

Эрь-тхоу.

13) И-гэ хэй ярь хунь цзуи
ся-ба-лурь си фэй.

Дэнь.

14) Сы чжэнь-ди бу сы сянь,
сы сянь-ди бу сы чжэнь.

Чжу-чжу-цза.

15) Ши-цза кху-ни го-ди бян-
гань, го лай го-ци мо жэнь цзянь
гань.

Чахань-чхунь.

Со стороны пришел черный
молодец съ кусочкомъ огня на
головѣ.

Курительная свѣча.

Въ одну коробочку положень
монгольскій мальчикъ.

Туфля (дунганская).

Красный атласъ, разбросившись
по всему двору, свѣтитъ

Солнце.

Одна черная съ краснымъ под-
бородкомъ ласточка купаетъ подъ
бороδοю. Лампа (дунганская).

Употребляющій иглу не поль-
зуется ниткой, пользующійся нит-
кой не употребляетъ иглы.

Паукъ.

На перекресткѣ лежитъ ногай-
ка (дунганская), на которую про-
хожіе не смѣютъ взглянуть.

Змѣя.

ПОСЛОВИЦЫ.

1) Синь би тянь гао, минь би
цзы бо.

2) Нянь лао бо цюй нянь-го-
ди ци, нянь-го-ди ци бу сы хао-
дунь-си.

Душа выше неба, а жизнь
тоньше бумаги.

Старый не женись на молодой,
молодая жена (для старого) не хо-
рошая вещь.

АНЕКДОТЫ.

1) И-гэ лао-фъ гэй цзы-цзи-ди
я-и фынъ-фу-лэ: «Ни гэй нгэ
цзао лянъ-гэ гунъ-цзи-ди дань,
нгэ яо чи тха, гэй ни динъ сань

Одинъ господинъ приказалъ
своему полицейскому служителю
отыскать два яйца пѣтуха, же-
лая скушать ихъ, и назначилъ для

тянь-ди ци, яо-сы го сань тянь ни на бу-чжэ лай, во яо-мань-сы да ни». Я-и ю-цху-ха-лэ шэ: «Чжэ-гэ дунь си нгэ цзай на ни цзао-ци-ни?». Хуй-ди ь бу чи фань, ь бу хо цха, ь бу шэ хуа. Та-ди по-нянь вэнь тха: «Ни вэй-са ю-цху-чжэ-ни?» Тха бу-нянь-чуань. По-нянь кэ вэнь-ле. Тха цзу гэй по-нянь шэ-ле: «Ай-яо! Лао-ь цзао нгэ цзао гэй тха лян-гэ гунь цзи-ди дань-ни, цхунь чжэ-гэ сы гнэ ю-цху-чжэ-ни». По-нянь гэй тха шэ: «Ни бо хэй-пха! сань тянь го-ле нгэ ци дао лао-ь гэнь-цзянь гэй тха хуй хуа. Го-лэ сань тянь по-нянь ци дао лао-ь гэнь-цзянь-лэ. Лао-ь вэнь-тха: «Ни цзу са лай-лэ? ни-ди нань жэнь-ни? По-нянь шэ: Лао-ь! нгэди нань жэнь янь-лэ ва-ле». Лао-ь цзу шэ: «Хай, ни мо-ю лян-ди нюй-жэнь! сэй-цзянь-ле нань жэнь нынь янь-ва?» По-нянь ь вэнь тха: «На-и-гэ гунь-цзи ха дань-ни?». Лао-ь цзу мо-ю шэ-ди хуа-ле.

И-гэ чхэнь ху-тху-ди нань-жень ду хай-пха пхо-нянь. И-тянь го-лай го-ци жень кхань-чжо-ле: по-нянь ба-и-гэ люй-ла-чжэ-ни, нэй-и-гэ люй-шань-ци-ди нань жэнь. Та-мынь цзу шэ-ле: «Ай-яо! цза-мынь ду хэй-пха пхо-нянь-мынь чжэ-и-гэ жень-бу хэй-пха пхо-нянь-ни-мынь

этого три дня сроку, угрожая, вслучае, если не будут доставлены яйца, прибить его до смерти. Полицейский загрустил и говорит: „Гдѣ же я отыщу эти вещи?“ Ушелъ домой, не ѣсть, ни пить и не разговариваетъ. На вопросъ жены—почему грустить, ничего не отвѣтилъ, а когда жена вторично спросила его объ этомъ, то онъ сказалъ ей: „Охъ! господинъ велитъ мнѣ найти ему два яйца пѣтуха,—поэтому-то я и грущу“. Тогда жена говоритъ ему: „Не бойся! пройдетъ три дня, я пойду къ господину и дамъ ему отвѣтъ“. По прошествіи трехъ дней, она отправилась къ господину, который, встрѣтивъ ее словами: „Зачѣмъ ты пришла? а гдѣ твой мужъ?“ получилъ отвѣтъ: „Господинъ! мой мужъ родилъ ребенка“. Эхъ, ты безсовѣстная женщина!—сказалъ господинъ,—кто же это видѣлъ, чтобъ мужчины могли рожать дѣтей. Женщина въ свою очередь спросила его: „А какой пѣтухъ несетъ яйца?“ Послѣ этого, господину нечего было сказать.

Въ одномъ городѣ мужья боялись своихъ женъ. Однажды прохожіе увидѣли, что женщина ведетъ осла, на которомъ верхомъ сидитъ мужчина, и сказали: «А! мы всѣ боимся женъ, а этотъ человѣкъ не боится жены, посмотрите ка, жена ведетъ ему осла. Пойдемте, приберемъ его за

бхань-чжо пхо-нянь гэй тха ла
люй-чжэ-ни. Цзоу! да тха ци». Дао-ле тха гэнь-цянь-ле. тха цзу
кху-чжэ шэ-ни: «ай-яо! цю ни-
мынь бо ду гнэ, нгэ-ди тхуй ху-
ай-чжэ-ни. Жэнь-мынь вэнь тха-
цза-ди хуай-ле? шэ-сы: Ай-яо,
нгэди хэда я! по-нянь да нгэ-ди
сыоху ба тхуй хуай-ле. Та-мынь
цзу шэ-ле: «Ай-яо! цза-мынь хуй
цзоу, чжэ и-гэ жэнь ф хэй-пха
цзы-цзи-ди пхо-нянь-ни».

3) Шэ-сы: и-гэ жэнь сянь инь-
цза, и ся тянь инь-цза до-ди
хэнь. Тха на-ле-гэ лао юй-ди
вань, пхао-чжэ цзы-цзи-ди фань-
ни дэй-ци-ле. Дэй бу-чжо инь-
цза чжо-ци ба вань шао-ле, цзяо
пхо-нянь чжи и-гэ синь вань.
Пхо-нянь шэ-ле: «Нгэ бу хуй
чжи вань». Тха ба пхо-нянь да-
гэ-ле и-дунь; пхао-дао ба-цзарь
мэй-ле и-гэ вань. Нэй-и-гэ вань ф
дэй-бу-чжо инь-цза. Тха ба чжэ-
и-гэ вань ф шао-ле. Шао-ди сы-
ху ба фань-цза дян-чжо-ле, шэ-
сы фань-цза ху-тху инь-цза тхэй
до-ди хэнь.

4) И-гэ тху-цза гэй чжань-гуй-
ди цзу хо-чжэ-ни. И тянь тха
цзянь ле и-гэ ти-мян-ди нюй-
жэнь вэнь тха: «Нгэ хэй-ле дао
ни гэнь-цянь лэй ни яо нгэ бу
яо». Нюй-жэнь мо-нянь чу-ань.
Тху-цза тянь-тянь-шэ чжэ-гэ хуа
сэй-бэ-бу, нюй-жэнь чжо-ле ци-
ле, гэй цзы-цзи-ди вань-жэнь гао-
ле тха. Нань жэнь гэй тха шэ:

это“. Когда подошли къ нему,
то онъ, плача, сказалъ: „Охъ! умо-
ляю васъ, — не трогайте меня, ибо
у меня сломана нога“. «Какъ-же
сломалъ ты себѣ ногу?» — спроси-
ли его. „Охъ, Богъ ты мой! нога
моя сломалась въ то время, ког-
да била меня жена“, — отвѣчалъ
онъ. Послѣ чего прохожіе и ска-
зали: «Эхъ! пойдемте-ка по до-
мамъ, и этотъ человѣкъ боится
своей жены».

Говорятъ, что одинъ человѣкъ
ненавидѣлъ мухъ, которыхъ одно
лѣто было очень много. Поэтому,
взявши рыболовную сѣть, онъ по-
бѣжалъ въ свой домъ ловить ихъ,
но, не поймавши мухъ, разсердил-
ся, сжегъ сѣть и велѣлъ женѣ
связать новую. А когда жена
сказала, что не умѣетъ вязать
сѣти, то онъ, ударивъ ее, побѣ-
жалъ на базаръ и купилъ сѣть;
но и той сѣтью не могъ изло-
вить мухъ и такъ-же ее
сжегъ, при этомъ поджегъ и домъ,
говоря: „Въ дому очень много
мухъ“.

Одинъ плѣшивый былъ въ ус-
луженіи у хозяина. Однажды онъ
увидѣлъ одну красивую женщину
и спрашиваетъ ее: „Если я прій-
ду ночью, то буду-ли принять
тобою?“ Женщина промолчала. Но
такъ какъ плѣшивый ежедневно
сталъ говорить ей такія слова,
то она разсердилась и пожалова-
лась на него мужу, который и

„Тха цзай и-хуй вэнь чжэ-гэ, ни цзу гэй тха да инь-чжэ шэ: хао! дань-сы ни гэй нгэ на у пинь-ца цзю лэй, ба у-гэ цзи цзэй-чжэ, моо ба-шань, на-чжэ лэй“. По-нянь тинь нань жень-ди хуа цзу гэй тху-ца шэ ле чжэ янь-ди хуа. Тху-ца гао-синь-ле яо-ди дунь-си и ха ду на-чжэ лэй-ле. Хэй-ле нань-жень цзю-ха-ле. Тху-ца са ду бу чжи-дао, фань-ни цзинь-ци ле. По-нянь цзянь та шэ-ле: «Ай яо! ни лэй-ле, хао-ма, цинь-цзо, во гэй ни да цзаци». Цха кхай-ди сы-ху, нань-жень цзю пхо-нянь кхай мынь лэй, тху-ца мань-ле, хэй-ле-пха-ле, гэй нюй-жень шэ-ни: «Ай-яо! чжэ-гэ сы-цинъ са цзу-ни». Нюй-жень гэй тха шэ: „Ни кхуай цянъ-до чжэ гэ тхунъ ни“. Тху-ца цянъ-ха-ле. По-нянь гэй нань-жень ба мынь кхай-ле. Нань-жень цзинъ лэй фанъ-ни вэнь пхо-нянь: «ни цзу-са-ни?» пхо-нянь шэ: Нгэ гэй ни да цха-ни. Нань-жень вэнь; „кхай ле мо-ю“. Нюй-жень хуй тха шэ: „кхай-ле“. Нань-жень цзю тха на-чжэ-лэй. Пхо-нянь ба цха на-чжэ-лэй-ле. Нань-жень сянь-ле-гэ фаръ гэй пхо-нянь шэ ни: „Чжэ-гэ цха-сы бу сы хао цха, нгэ яо дао чу тха“. И ха ба цха дао тхунъ-ни, ба тху-ца тханъ-ле. Тху-ца пхао-ле Ди эрь-тянь нань-жень гэй пхо-нянь шэ-чжэ-ни: «Цзянь-ле тху-ца ни цзэй и-хуй цзю тха дао ни гэнь-цянъ лэй». Го-ле цзитянь, пхо-нянь цзянь-ле тху-ца

говорить ей: «Если онъ еще будет просить объ этомъ, то ты, соглашаясь, скажи ему: хорошо, но только ты принеси мнѣ пять бутылокъ вина и пять заколотыхъ и опипанныхъ куръ». Жена, послушавшись мужа, такъ и сказала плѣшивому, который, обрадовавшись, тотчасъ-же принесъ все требуемое. Ночью мужъ спрятался, а плѣшивый, ничего не зная объ этомъ, вошелъ въ комнату женщины, которая увидѣвъ его сказала: «Ахъ! ты пришелъ. Какъ твое здоровье? прошу садиться, а я приготовлю тебѣ чай». Въ то время, когда чай уже кипѣлъ, мужъ сталъ звать (просить) жену отворить ему двери. Плѣшивый, испугавшись, засуетился и спрашиваетъ женщину: «Охъ! какъ-же быть съ этимъ дѣломъ?» На это женщина отвѣчаетъ: «Спрячься скорѣй вотъ въ эту кадку». Плѣшивый спрятался, а женщина пошла отворить мужу двери. Послѣдній, войдя въ комнату, спрашиваетъ жену: «Чѣмъ ты занимаешься?» Жена отвѣчаетъ: «Я готовлю для тебя чай». «Кипитъ-ли чай?» — спрашиваетъ мужъ. «Кипитъ» — отвѣчаетъ жена. „Такъ подавай“. — обращается онъ къ ней. Жена принесла мужу чай, а онъ, соображая, и говоритъ ей: „Скверный чай, я его вылью“; и тотчасъ-же вылилъ чай въ кадку, обваривъ имъ плѣшиваго. Плѣшивый убѣжалъ. На другой день мужъ сказалъ же-

кхэ цзяо тха лэй, Тху-ца шэ-ни: «Ай-яо! ни-сы бу-сы хао нюй-жэнь, ни ба нгэ хунъ-ле: нгэ-ди цзю фь хо-ле, цзи фь чши-ле, на ду-сы сяо-сы, ни хань цзяо ни-ди нань-жэнь ба нгэ-ди тху на кхай фэй тханъ-ле. Бу! нгэ цзэй бу ци-ле. Хунъ-бу-ляо нгэ!»

5) Сань-гэ тху цза шанъ-лянь-ле: хэй-ле ци дао и-гэ пхо-нянь-гэнь-цянь. Тху-и-гэ тху-ца шэ-ни: «Нгэ тху-ни ци»; ди-эръ-гэ тху-ца бу да-инъ, шэ-сы: «Бу! нгэ яо ци»; ди сань-гэ тху-ца фь яо тху-ни ци. Шэ чжэ-гэ хуа тху-ца мынь цзянь-цзянь-ле. Игэ тху-ца шэ-ле: „Ли-ха-чжэ! бо цзянь-цзянь: нгэ-мынь ду цзу и-да-ни ци». И-ха ду ци-ле. Пхо-нянь гэй тху-ца мынь кхай-ле мынь-ле. Тха-мынь цзинъ-ци, ганъ кханъ-шанъ цзо-ди сы-ху, пхо-нянь-ди нань-жэнь хуй-лэй цзяо кхай мынь-лэй. Пхо-нянь тху-ца-мынь цянъ-до хо-лу ху-тху, гэй нань-жэнь кхай-ле мынь-ле. Нань-жэнь цзинъ-лэй, дэнь и-хуръ, гэй пхо-нянь шэ-ни. «Фанъ-ца-ни си-вэй лэнь и-сёръ; ни цзя-ди дяръ хо-лу. Пхо-нянь, ба хо-лу цзя шанъ, гэй нань-жэнь ханъ-чжэ шэ-ни: «Ай-яо, хо-лу-ца ху-тху-ю! жэнь-ни!» Нань-жэнь кхэ-ли-ма хо-лу-ца-ди хо-мъ-ле, ба сань-гэ тху-ца ла-чу-

нф: „Если увидишь плѣшиваго, то еще разъ позови его къ себѣ“. Черезъ нѣсколько дней она увидѣла плѣшиваго и опять велить ему приходиться. Но плѣшивый сказалъ: «Ахъ, ты нехорошая женщина! ты меня обманула: и вино выпила, и куръ съѣла; и это все-бы ничего, но ты еще заставила своего мужа обварить мнѣ кипяткомъ голову. Нѣтъ! я больше не пойду; меня не обманешь!»

Трое плѣшивыхъ сговорились пойти къ одной женщинѣ. Первый плѣшивый говорить: «Я первый отправлюсь». Второй, несоглашаясь, сказалъ: „Нѣтъ! я пойду“. Третій плѣшивый также желаетъ пойти первымъ. Разсуждая такъ, плѣшивые поссорились. Одинъ изъ плѣшивыхъ сказалъ: «Постойте, не ссортесь, мы пойдемъ все вмѣстѣ». Послѣ этого все и пошли. Женщина отворила имъ двери; они вошли, и въ то время, когда стали усаживаться на банъ (нары), возвратился мужъ этой женщины и сталъ звать ее отворить ему двери; она открыла двери, представъ плѣшивыхъ въ печьку. Мужъ вошелъ, и немного погодя говорить женѣ: «Въ комнатѣ немного холодно, затопи-ка ты печьку». Затопила жена печьку и кричить мужу: «Охъ, въ печькѣ есть люди!». Мужъ немедленно потушилъ огонь въ печи, вытащилъ плѣшивыхъ и, увидѣвъ, что они все трое задохлись отъ дыму, не-

лэй и кхань тха-мынь сань-гэ ду
 янь-сы-ле. Нань-жень мань-ле,
 гэй пхо-нянь шэ-ни: «Ай-яо! чжэ-
 гэ сы бу-сы хао сы-цинъ: нгэ-
 мынь фанъ-ца-ни ю-ле сань-гэ
 сы-жэнь, яо-сы чжэ-гэ сы-цинъ
 шанъ-сы чжи-дао-ле, нгэ-мынь
 лянъ-гэ цзу бу-дэй-хо-ле; бу-люнь
 цза-ди-янъ ба чжэ сань-гэ тху-
 цза хэй-ле цяо-церъ-ди яо ляо
 чхэнь вэй-тху». Ди эрь-тянь
 цзао-ци дао тха-мынь фанъ-ца-
 ди мынь-шанъ лэй-ле и-гэ яо-чжэ
 чши-ди. Пхо-нанъ гэй тха шэ-
 ни: Нгэ ю и-дяръ сы-цинъ ни гэй
 нгэ бань-и-ха. Сы цинъ-сы чжэ
 янь-ди яы: нгэ-сы гуа-фу. Ъ-лѣ-
 гэ дао нгэ гэнь-цянь лэй-ле и-гэ
 ю бинъ-ди тху-цза, хэй-ле тха
 мо-ле. Чжи-хуръ нгэ хэй-пха тху-
 синъ сэй-бэ-бу, ба чжэ-гэ сы-жэнь
 цяо-церъ-ди сянь ляо чхэнь-вэй-
 тху. Нгэ цинъ ни бань гэй нгэ
 чжэ-гэ сы-цинъ. Нгэ гэй ни шанъ
 эрь-ши лянъ инъ-цза, данъ-сы
 чжэ-гэ сы-цинъ ни бо гэй жэнь
 шэ». Яо-чжэ чши-ди, сянь цзэнь
 эрь-ши лянъ инъ-цза, да инъ-ле.
 Хай-ле лэй ба тху-цза бэй-чжэ
 ла-ди чхэнь вэй-тху ляо-ле, хуй
 дао пхо-нянь гэнь-цянь лэй яо
 эрь-ши лянъ инъ-цза-ни. Пхо-
 нянь гэй тха шэ: „Ни вэй-са ба
 тху-цза мо ляо юань и-сѣръ ди-
 фанъ-ни, ни кхань тха кхэ пхао
 хуй-лэй-ле. Ни чжэ хуръ на чжэ-
 гэ тху-цза бэй-чжо ляо юань и
 сѣръ ди-фанъ“. Яо-чжэ чши-ди
 бу чжи-дао чжэ-сы ди-эрь-гэ сы-
 жень, ба тху-цза бэй-чжэ ди-эрь-

пугался и говорить женѣ: «Охъ!
 дѣло это не хорошее, въ домѣ у
 насъ три покойника, если узна-
 етъ объ этомъ начальство, то
 намъ обоимъ не одобровать. Какъ
 бы то ни было, но этихъ трехъ
 плѣшивыхъ нужно ночью тихонь-
 ко выбросить за городъ». На дру-
 гой день утромъ къ двери ихъ
 дома подошелъ нищій, которому
 женщина и сказала: «У меня есть
 немного дѣла; разрѣши ты мнѣ
 его. Дѣло такого рода: я вдова.
 Вчера пришелъ ко мнѣ одинъ боль-
 ной плѣшивый и ночью умеръ.
 Теперь, боясь начальства, я ду-
 маю покойника этого выбросить
 за городъ и прошу тебя сдѣлать
 это дѣло; за это въ награду я
 дамъ тебѣ 20 ланъ серебра, толь-
 ко о дѣлѣ этомъ ты людямъ не
 рассказывай». Нищій, желая зара-
 ботать 20 ланъ серебра, согла-
 сился, пришелъ ночью и, взва-
 ливъ плѣшиваго на плечи, отта-
 щилъ его за городъ и бросилъ,
 возвратившись къ женщинѣ за
 20-ю ланами серебра. Женщина
 и говоритъ ему: «Почему ты не
 бросилъ плѣшиваго немного по-
 дальше, посмотри, онъ прибѣжалъ
 обратно. Возьми его теперь и
 брось подалее». Нищій, не зная,
 что это другой покойникъ, вто-
 рично потащилъ плѣшиваго бро-
 сить дальше. По возвращеніи (его),
 женщина опять говоритъ ему:
 «Ахъ, ты человѣче! не говорила-
 ли тебѣ, чтобы плѣшиваго бро-
 сить дальше, но ты не послу-

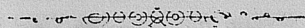
хуй юань ди-фань ляо-ци-ле. Хуй-лэй пхо-нянь ю гэй тха шэ-ни: «Ай-яо, ни чжэ-гэ жэнь-нга! нгэ гэй-ни мо-шэ-ма ба тху-цза ляо юань ди-фань, ни мо тинь нгэ ди хуа, тха кхэ пхао хуй-лэй-ле. Чжи-хурь янь-динь би нэ-и-гэ ди-фань хань юань ляо тха ци». Яо-чжэ чши-ди ди сань хуй ба тху-цза бэй-чжэ, юань ди-фань ю и-гэ шэнь-кху ху-тху ляо ци-ле. Ляо-ди сы-ху тха мо кхань чжо ку-ни ху-тху ю и-гэ жэнь па сы-чжэ-ни. Нэ и-гэ жень кхань-чжо сы жэнь-ни хэй-пха-чжо пхао-ле чэнь-ли-тху. Яо-чжэ чши-ди кхань-чжо тху-цза пхао-ле, нянь тха ци-ле. Нэ-и-гэ жень дань-сы сы жэнь нянь тха чжэ-ни, пхао ди юэ кхой-ле. Яо-чжэ чши-ди мо нянь-шань тха. Чжо-ле ци-ле, ма тху-цза-ни шэ: „Ха! гуй цза-ди сунь ни кхэ пхао хуй-ци-ле, бу, чжэ-хурь нгэ дао пхо-нянь гэнь-цянь бу-ци-ле, эрь-ши-у ляннь инь-цза ъ бу-яо-ле. Чжэ-гэ инь-цза и-бэй-цза цзэнь-бу-ха“.

шался меня; вотъ онъ опять при-бѣжалъ домой. Теперь ты непре-мѣнно брось его дальше, за это я еще прибавлю тебѣ 5 лань се-ребра». Нищій въ третій разъ по-несъ плѣшиваго и бросилъ дале-ко въ оврагъ: но когда бросалъ, то не замѣтилъ, что въ оврагъ, по естественной надобности, на-ходился одинъ человѣкъ, который, увидѣвъ покойника, испугался и побѣжалъ въ городъ. Нищій, ви-дя, что плѣшивый опять побѣ-жалъ, погнался за нимъ, но по-слѣдній, воображая, что за нимъ гонится покойникъ, побѣжалъ еще быстрее и нищій догнать его не могъ. Разсердился нищій и руга-етъ плѣшиваго, говоря: „Ахъ ты, чертова сѣмя! опять убѣжалъ до-мой. Нѣтъ, теперь болѣе не пой-ду къ женщинѣ и 25 лань се-ребра мнѣ не нужно. Серебра этого во вѣкъ не заработаешь“.

В. Цибузгинъ.

А. Шмаковъ.

Г. Устькамского

Простите, если что-то не так. Я не хотел, чтобы это выглядело как ошибка. Спасибо за понимание.